

ЛЮБОВЬ СТАСЮК

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ
ЛЮБВИ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колвч. пред. выдач

9 ТМО Т. 1 жлн. 3. 167—81

ЛЮБОВЬ СТАСЮК

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ЛЮБВИ

СТИХИ

г. Верхняя Салда
1993 г.

Верхне-Салдинская
центральная библиотечная
система

Филиал к/ро

Инв. № Брошюра

Мы родились, чтобы любить этот мир и быть любимыми. Но самое искреннее чувство часто остается невыраженным. Да и какими словами выразить любовь к распускающемуся бутону света, сиреневому сумраку, дождевым каплям, ко всему тому, что уместилось в необъятном слове природа?! В ее глазах столько разных оттенков, что не хватит и целой жизни, чтобы уловить эти меняющиеся мгновения.

И все же я попробовала переплести нити чувств и слов. Мои «Времена» — это больше, чем осень, зима, весна, лето...

Как небеса взлетели надо мной!
Как дышится легко в пространстве этом
Снегам, деревьям, птицам и поэтам,
Любви небесной и любви земной!

Читатель! Ты умеешь любить, а значит эта книга для тебя.

Апрель, 1993 года

Любовь СТАСЮК

* * *

Какая музыка стиха
Живет во мне — никто не знает!
Ей не стихать! Ей не стихать!
Ее созвучья прорастают
Ольхой, черемухой, травой
И тем неведомым растеньем,
Что расцветёт стихотвореньем
И книгу сделает живой.

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ

А небо вечно будет плыть
И разговаривать с землею...
Четыре времени открою
Я для себя, чтоб мир любить.
Четыре времени во мне,
Четыре песни недопетых...
Бежала девочкой к весне,
А оказалось, рядом — лето.
Ах, лето! Долгая игра
Средь елочек, берез и сосен!
Но на одной из ближних просек
Мне осень крикнула: «Пора!»
Войду в ее прохладный сад
С тяжело-красными плодами,
Повременю... А день все тает...
И нет пути уже назад.
Остановлюсь, чтобы остыть,
Поснебу проведу рукою
В надежде, что над головою
Увижу солнце, может быть...

* * *

Как птицу, выпусти луну:
Сегодня улицы пустынные.
В моей душе зацвел пустырник —
Не оставляй меня одну.
Какую странную весну
Встречаю. Март горит и стынет...
В моей душе цветет пустырник —
Не оставляй меня одну.

1972

* * *

Осень, осень — сад мой пестрый,
Птиц последняя возня.
Наплывает желтый остров
Листьев, ветра на меня.
Обойти бы чудо это
Беспечальной стороной:
Где по лесу, где по лету,
Где с тобой, а где одной.
Полутон. Полупризнание.
Осень—вольница! Я с ней.
Нет, нежесткое дыхание
У октябрьских этих дней.

1973

* * *

Июнь светил в лицо невыносимо...
Я поддавалась теплomu теченью.
Река несла меня и выносила
К вечерней моей родине, к вечерней.
Куст жимолости, тронутый закатом,
Смотрелся в воду как-то одиноко.
Припав к его соскам голубоватым,
Перегоревшим напилась я соком.
Спокойная, чуть царственным движеньем
Меня встречала старая осина.
Я принимала родину вечерней,
Но к утренней теченьем выносило.

1974

* * *

Ну что мне до худой молвы?!
Останься памятью о лете.
Там ветер словно долго лепит
Из бормотания листвы.
Цепочку пожелтевших дней
На берег выбросила осень.
А там тепло и свет от просек,
И пение цветных дождей.
Все сбудется на этот раз
Письмом ли, новыми стихами.
Ты слышишь, ветер не стихает —
Так лето остается в нас.

1975

* * *

Однажды устав, обессилен,
Не сразу замечу весну.
Как просто плывут над Россией
Дожди, наполняя волну!
Как просто на мир заглядеться
В оттаявший полдень земли!
Увидеть: в далекое детство
Летят высоко журавли...

1977

* * *

А мне опять дано поверить
В тебя, пусть даже невзначай...
Но знаю: на цветистый берег
Накатит волнами печаль.

И ветер с привязи сорвется,
Щенком промчится по траве.
Лизнет мне щеку, засмеется
И растворится в синеве.

Повеет вечным неуютом,
Звезда сгорит у самых ног...
Такое чувство, что как будто
Ошиблась в выборе дорог.

1978

* * *

И занесет снегами дни,
И память не воспламенится,
И боль любви — ночная птица —
Не различит твои огни.

Не долечу, не добреду —
Встал на пути холодный месяц.
И лист окраскою невесел
В моем саду, в твоем саду.

А где-то, вспыхнув, два ручья
Несут себя навстречу рекам.
Весна твердит: «Ничья! Ничья!..» —
И... остается с человеком.

1978

Б Е Р Е З К И

Играть затеяли в горелки...
Со склона — в ситце, налегке.
Весь день ручной веселой белкой
Рыжело солнце в их кружке.

А им, затейницам, все просто:
Сбежать к ручью, войти в рассвет
И обронить на этот остров
Свой первый лист, свой первый цвет.

Смотрю на них, как мать в тревоге,
Боюсь, а вдруг не сберегу?
Так разыгрались у дороги,
Еще чуть-чуть — перебегут.

1978

* * *

На краю затерянного лета,
На последнем теплом островке
Бьется в небе с самого рассвета
Птичий клин, как жилка на виске.

1978

* * *

Под ногами лист да ветка,
В роще солнца рыжий ком.
Здесь не середина лета —
В лето верится с трудом.

Дождь легко сбежал с обрыва,
Ветер углубился в лес.
День в желтеющих размывах —
Мне ли ждать его чудес?

Снова пашни почернели.
Ворон лишь тревожит дом.
И забытые качели —
Все в зелёно-золотом.

1979

З В Е З Д А

У каждого из нас своя звезда.
Она не гаснет даже на рассвете.
А если вдруг сорвется в никуда —
Тревожимся, как маленькие дети.

И в поисках отчается душа,
И карта неба потускнеет странно.
Раздвинет месяц пряди камыша,
Осветит луг фонариком карманным.

Вот и его растаяли следы —
Зарозовела дерева макушка.
Но что это? Из утренней воды
Торчит звезды серебряное ушко!

1980

Верхне-Салдинская
центральная библиотечная
система

Филиал _____

17 Инв. № _____

О С Е Н Ь

Не девочка, женщина-осень
Вошла в мой распахнутый сад.
А лето у кленов и сосен
Звенело минуту назад.

Я видела все с карусели:
Гусей, желтый свет, белый дым...
Как быстро проходит веселье
У медленной, сонной воды!

От взгляда дождя замерзая,
С листвою, потухшей в горсти,
Я шла к ней совсем молодая,
А надо бы мимо пройти.

1980

* * *

Когда-нибудь и я пристану
К земле, где лишь цветочный гул.
Когда-нибудь и я оставлю
Тебя на этом берегу.

Когда-нибудь за кромку света
И мне придется заглянуть.
Покинуть дом, проститься с летом,
Когда-нибудь, когда-нибудь...

1981

* * *

Как повесть, начнет это лето
В блестящих застёжках росы
С рассвета, с портрета, с секрета
Задира, единственный сын.

Из тесной квартиры — на ветер,
Где травы и речки вразброс,
Где все в первый раз не в запрете
У звонких, высоких берёз.

И девочка с розовым бантом
Прошепчет: «Ну чем же он плох?» —
Увидев, как
 к ландышам в банку
Веселое утро стекло.

1982

С Ы Н У

Чем дальше в осень, тем безлиственной —
А так не хочется пустеть!
Земле от ясеней и лиственниц
Еще светлеть, еще светлеть!

Не испугайся одиночества
И по размытой колее
Иди легко, как это хочется
Деревьям, осени, тебе.

Не испугайся, что угрюмые
Толпятся тучи в стороне.
Одной себя наполни думою,
Одной наполни — о весне!

И лишь тогда сумеешь выбрести,
Не затеряться в вечной мгле.
И лишь тогда сумеешь вырасти
Большим и сильным на земле.

1982

М А М Е

Сплошные заросли кипрея
Не обойти тебе и мне.
На родине всегда светлее,
Чем в незнакомой стороне.

На родине, где так легко мне
Чабрец на воздухе сушить,
Коричный поливать шиповник
И от тебя не отходить,

Чтоб не смогла ступить разлука
На наше милое крыльцо.
И только свет с реки и луга,
И только мамино лицо.

1982

ДОЧКЕ

А мне и этот душный день
Своим томленьем не наскучит.
В нем кошка вороненка учит
Взлетать в кипучую сирень.

В нем я уверена была,
Что перейду ручей и поле,
Помедлив, не останусь доле
На той окраине села,

Где свет над каждым лопухом
Парит, дрожит, как над сыночком,
Где разговаривала с дочкой
Природа нежным языком.

1982

* * *

Весна. А женщина устала,
Как устают в конце пути.
Но я-то знала, я-то знала,
Что ей не больше тридцати.

Она глядела безучастно
Через весеннее стекло,
И ей казалось: мир не счастьем,
А горечью заволокло.

А между тем, все так же дети
Играли под ее окном.
Все так же солнце на рассвете
Входило в этот грустный дом.

Сама природа все сначала,
С травинки малой начала.
Но видно женщина не знала,
Что и она б вот так смогла.

1983

* * *

Отворковал весенний день,
Утомонился, как младенец.
И — в березняк, где тишь да тень:
То снег стряхнет, то ветвь заденет.

Сомлел на тающих лугах,
Прилег у рыжего обрыва...
А мне шагать за ним, шагать —
Себя не чувствовать счастливой,

Пока щекою не коснусь
Стволов весны живых, горячих...
Как долго я была незрячей
К тебе, оттаявшая Русь!

1983

* * *

Вспыхнет ветка зеленым светом,
Хлынет синь в чердачный проём,
И такое закружит лето,
Что все песни мои о нем.

Серебристой лапчатки запах,
Сушеницы болотной пух...
Я с востока иду на запад...
Кто мне скажет, далек ли путь?

Кто мне скажет, какое поле
Перейдешь один на заре?
Что ты сделаешь с этой волей
В молодом еще сентябре?

А земля так свежа, сыпуча,
Так жива по краям трава...
Ни единой на небе тучки —
Только солнце и синева.

1984

ЛЕПКА

А я пока не ведаю о том,
Что этот стих однажды канет в Лету.
Я так прилежно начинаю лепку
С души в ее сиянии простом.

С земли, что обнажилась у крыльца,
С весны и нежной веточки рябины,
С тебя, разлука, и с тебя, любимый,
И с твоего, о Родина, лица.

1984

Ч У В С Т В О

А может, и эта печаль
Была не моею печалью.
Какую весну источает
Грозою омытая даль!

Как щедро парят над виском
Цветущая ветка черешни
И птица расцветки нездешней,
И солнца оранжевый ком!

Да будет слеза коротка!
Не в силах отпрянуть от света,
Пройдусь я по берегу лета
В сандалиях, полных песка.

Вконец пробудившись от сна,
Смету все сомненья прилежно...
Останется родины нежность
Да вера на все времена.

1984

* * *

О, эта чистая страница —
Не размахнешься топором!
Не подарила мне жар-птица
Свое волшебное перо.

Давно повысохли чернила,
Заброшен томик золотой.
Я — в лес, где ягода-черника
И дикой розы цвет густой.

И пусть немного будет ягод
(Не это назову бедой).
Мне чащи полутьма не в тягость:
В ней лист алеет молодой.

Я ничего здесь не нарушу —
В дремотном, сладостном краю...
И только сумрачную душу
Землей и небом утолю.

1984

До рассвета земли не видать.
Слава богу, что лишь до рассвета.
И плывут под порывами ветра
Дерева, а куда — не понять.

И ночной этот мрак вороша,
Осыпая созревшие листья,
То ли луч, то ли чья-то душа
Надо мной в этом мире зависла.

Предвкушая затишье в саду,
Я всему придавала значение:
Стуку, яблоку, в небе — свеченью.
Веря, может, наивно в звезду.

Стало легче дышать. Тишина
Притаилась у старого дуба.
И рассвет, как ребенок со сна,
Мне показывал белые зубы.

1984

* * *

Я в этой осени случайно,
Моя — далёко впереди.
Там ветры прошумят печальней,
И будут петь мои дожди.

А эта так, лишь полустанок,
Что промелькнул в чужих огнях,
И навсегда остался тайной,
Быть может, только для меня.

Не оттого ли вся в движенье
Я не заметила лица,
В котором осень до конца
Свое узнала отраженье?

1985

* * *

И помня только нежные слова,
Мы уходили дальше к лесу, к лету.
Змеиный горец радовался цвету,
Как всякая июньская трава.

И на тропе большие лопухи,
Подставив солнцу старческие спины,
Не шевелились. И кусты малины
Дышали этим воздухом сухим.

Но не было безмолвной духоты.
И светлые ручьи текли из глуби
Лесов, в которых так же нежно любят
Деревья, птицы, звери и цветы.

1986

* * *

И дол, что не сожгла беда,
Цветеньем вспыхнет после ночи.
Кукушка родине пророчит
Непустяковые года.

Как дышится! Как влажен тмин!
Как ясен звук и внятно слово!
Я не сверну с пути земного
До вьюгой данных мне седин.

До той поры, пока клюкой
Не отворю я дверь такую,
Где ни о чем не затоскую
И не расслышу суд людской.

1987

* * *

Он наступит, неведомый срок.
Только думать о нем я не стану.
А пока золотистый цветок
Освещает лесную поляну.

А пока и свежа, и кругла,
Ликом к солнцу черемухи роща.
Свет несет золотая пчела,
Птица горлышком песню полощет.

Муравей припозднился: на шаг
Поотстал от проворной ватаги.
Столько чувств накопила душа,
Что не хватит чернил и бумаги!

И пока эти думы текли,
Наступила такая минута,
Что вот-вот — и из чрева Земли
Пятку вытолкнет росное утро.

1987

* * *

Желаньям счета нет,
А времени в обрез.
Спешу на красный свет
В осенний красный лес.

Кончается игра
Оттенков и тонов.
Листва, как мишура,
На язычках костров.

И канул чей-то век.
И новый — на крыльцо.
И дорисует снег
Вот-вот мое лицо.

И птица закружит —
Дороги дальше нет.
И сын мой жить спешит,
Пока зеленый свет.

1988

* * *

...И там, где кончается город,
Я буду полями бродить.
Не кутая слабое горло,
Себя не боясь простудить.

На миг от нависшего мрака
Сожмусь в темный маленький ком...
И вынырну рыбой из страха,
И выйду из глубы цветком.

1988

КРУЖЕНИЕ МЫСЛЕЙ

Кружение лет. Кружение мыслей.
Красивых слов защитный слой.
На небе две звезды повисли
Не над тобой, не надо мной.

Мы утра ждем. Под солнцем проще:
Сослаться можно на дела.
Гимн заполняет дом и площадь,
Нас собирает у стола.

Ну, наконец-то. Завтрак. Кофе.

— До вечера.

— Да, как всегда.

Широким шагом по эпохе.

Широким шагом. Без следа.

1989

* * *

Устанем за тем поворотом,
Где медленно осень течет.
В рedeющей кроне, ну кто там
Еще так беспечно поет?

Сама я — из дома, из сада,
От спутанных небом ветвей.
Пустеют поля, и ограды
Не радуют флорой своей.

С последним цветком георгина
Душа обрастает моя
Созвучьями,
 мир половиня
На свет и на тьму бытия.

80-е

* * *

И блёклый на воле цветок
Однажды покажется чудом.
Он счастлив. Он вышел оттуда,
Куда мне спуститься — не срок.

Зачем я вольна говорить
Об этом легко и небрежно?
Цветка запоздалого нежность
Мне некому нынче дарить.

Мне некому нынче сказать:
Тоскую о звуке, о слове...
Лежит беспризорно тетрадь.
И стебель цветка кем-то сломлен.

80-е

* * *

Свет притушённой лампы.

Дыхание больной.

Протягивает лапы

Ночь за моей спиной.

И звезды коготками

Царапают окно.

И все, что будет с нами,

Уже предрешиено.

1990

* * *

Не в дар все это мне, не в дар...
Не зря вокруг белеют астры
И освещают тротуар
Осенним светом не напрасно.

Не в дар мне это... Как давно
Я слышу только тени шорох.
Ночь затянула плотной шторой
Мое пылавшее окно.

И даже лампы ровный свет
Мне ничего не обещает
И только молча освещает
Все, что осталось, — твой портрет.

1991

* * *

Что заря? Что туман? Что тоска?
Вот и выстлана к краю дорога.
Талисман золотого божка,
Бог мой, тщетная нынче подмога.
И пока я иду в глубину
Чащи, ночи, угрюмого крова,
Верба пухом залепит весну,
Лето светом оденет сосну,
Травы осени сердце кольнут,
Снег пути не минует земного.

1991

* * *

Спирали строк разорваны на части...
И сумерки теснятся даже днем!
Мне говорят: «Здесь нужен только Мастер,
Колдующий над словом и огнем.

В его движениях столько мыслей, чувства
И тайнств всех связующая нить!
А ты в уменьях этих неискусна,
Тебе лишь дар чужой дано хранить.

И рассыпать слова, и молвить Слово,
Написанное мастерской рукой...»
Хранить Огонь... Я к этому готова.
Ночь напролет — над пламенной строкой.

1992

* * *

В круговерти минут и часов
Так искусно расставлены сети,
Что мгновение — и канет столетье
Под полночные возгласы сов.

Слово, чувство, любовь и болезнь
Отлетят, отойдут вместе с нами.
Новый сад, народившийся здесь,
Будет вскормлен иными руками.

По-иному расставят слова,
Будет чувство в ином измеренье...
Но потянется к солнцу трава —
Это мы в ней — прохладой и тенью.

1992

* * *

Как надобно мало: свеченье
В рассветном весеннем окне,
Чтоб мысли из сна заточенья
Вернулись и жили во мне.

1992

* * *

Не пишется — душа полна покоя
В доме, где свет весны, любовь и ты.
Передвигаю легкою рукою
Портреты, вазы, книги и цветы.

День нескончаем. Позабыты лампы.
Сияют окна, стены, потолки...
И где-то в чаще, наливаясь, ландыш
Ждет обожанья, взора и строки.

1992

* * *

Это в юности дышат сиренью
В октябре. Видят розовый лес.
Сыплет грустные стихотворенья
Мне природа с осенних небес.

Все — под скрепку. Все—в новое Дело:
Липы шелест, дождя житиё...
Подбирай, окольцовывай смело,
Мни, что это творенье твое!

Расставляй (можешь как!) многоточья
И венчай себя новым венцом...
Отчего же, забритое в строчки,
Каменеет природы лицо?

1992

ДЕЛЪКА

Во мне слова, как
карамельки,
Светлы, тянучи и сладки.
Дымится чай. Смеется Лелька:
— Оставь на время завитки

Витиеватых и воздушных,
И слишком сладкозвучных фраз...
Я не обиделась, послушно
Покинув царственный Парнас.

В дому, в тепле, за чашкой чая,
Где жизнь простая так ясна,
Под светом лампы привечаю
Ту, что смешливо-озорна.

Мигнет (глаза без поволоки,
Причуд, возвышенной тоски)
— Ты выноси меня за скобки
Своей изнеженной строки.

1992

* * *

Все откровенней сердце, но умом
Я понимаю: не для обозренья
Стихи... А в них, как след ночного бденья,—
Астеноневротический синдром.

Кто на земле не жил и не болел
Любовью к ней, не ведает откуда
Слеза и сухость в горле, и простуда,
И взгляд, которому дозволен беспредел:

Вбирать пространство неба и снегов,
И наблюдать звезды ночной цветенье,
И до утра слагать стихотворенье,
Переплетая нити чувств и слов.

1992

* * *

Это таянье дней и снегов,
Эта убыль вечернего света,
Нарастанье южного ветра,
Пышность вербы и гулкость шагов
Мне сопутствуют. Смела ли я
Помышлять о таком сочетанье:
Свет сосны в изголовье ручья,
Свет ручья в дне, что мной обитаем?!
Можно вытерпеть долгую ночь,
Можно лампы узреть оживленье,
Но не ей суждено превозмочь,
Все, что связано с ночью и тенью,
Все, что сковано глазом луны,
Что под взглядом ее обмирает...
Утра свет на фронтоне играет,
Только миг до свершенья весны.

1992

М А М Е

Окно открою без тебя
В апрель и свет.
Забыли тополь и скамья
Твой силуэт.

Не помнит старенький балкон
Твоих шагов.
Ах, сколько с крыши и окон
Сошло снегов!

Рассудок мой не хочет знать,
Что этот стих
Мне будет некому читать.
Прости. Прости...

1992

* * *

Никто не остался на этой земле:
Ни самый великий, ни самый отпетый...
Часы, воцарившись средь книг на столе,
Отнять у меня собираются лето.

Отмерено время на утро и день,
И вечер уже за рекою томится,
И ночь — черноротая жадная птица —
Крадет у меня под окошком сирень.

Да что я все право: отнимут, крадут...
Совсем одичала я в дачной скорлупке!
Ведь есть еще место, где любят и ждут,
И даже, представьте, скучают без Любки.

1992

* * *

Но, слава Богу: есть сознание,
Что эта новая строка
Бледна, почти что без дыханья...
Я видела наверняка.
Я понимала, чувств избыток,
Не отразившись на листе,
После бесчисленных попыток
Остался на моем лице.
Лицо! Хитрить, что поправимы
На нем морщинки, нету сил!
Они так ясно различимы,
Как след до двух родных могил —
Отца и матери... Смятение
Души, где горьких чувств обвал,
Мне выставить на обозрение
Велит сей строгий ритуал.
О, свинство века! Измерять
Любовь обильем слез и крика,
Глаза по-рыбьему вперять,
Шептать, ждать продолженья всхлипа...
И удивляться, что в венки
Такие вплетены соцветья,
Которые на этом свете
Лишь знают две моих руки.

1992

* * *

Н. Рубцову

День мой смеркается. Сада
Глуше невнятная речь.
За голубою оградой
Нечего больше беречь.

Листья мои разлетелись,
Травы мои отошли.
Кто-то невидимый стелет
Мглу от небес до земли.

Грустно. И хочется ласки
Милой природы моей...
Гляньте, анютины глазки,
Повеселей.

1992

В. С.

Мы живем эти дни неспеша,
(Будто время не мчится за нами!)
Или лист, или чья-то душа
Приникает к окну вечерами.

Я включаю ей лампу. «Смотри:
Здесь тепло, запах трав и варений».
Вижу, ей интересно внутри
Моего молодого строенья.

Я ведь знаю, она не могла
Жить здесь раньше. «Вот новые книги.
Ваза модного нынче стекла.
На стене в раме старые лики.

Неизвестный художник... А жил,
Где, когда, разве кто-нибудь знает?..»
Отчего это лист так дрожит?
Отчего так к окну приникает?

1992

П Р И Р О Д А

Воспев все краски и цвета,
Мы не улучшили природу.
Я с календарного листа
Читаю вновь про непогоду.

Но как узнать, что ближе ей:
Порывы ветра, запах вишни,
Иль в интерьере сада лишний,
Зазеленевший вмиг пырей?

Нам никогда не разгадать
Ее (во всем!) непостоянство!
Туманом отнято пространство.
Мне — в тягость, ей — как благодать!

Сплетение листвы с дождем
Недолговечностью прекрасно,
Но нетерпение опасно
И мы, вздохнув, покорно ждем,

Когда природа утолит
Овраги, реки, корни леса...
Земле и небу вместе тесно,
Их только свет разъединит.

1992

* * *

Не надеясь на соучастье
Солнца, дня, молодого дождя,
Удаляясь все дальше от счастья,
Мимо улицы, мимо тебя

Шла я. Дом, заслонившись сиренью,
Мог признать меня, но не хотел.
В светлых окнах неясною тенью
Тот, который так нежно глядел.

Шла я, лета сминая соцветья,
Глупый вымысел в сердце тая:
Через час (или через столетье?!),
Но ты снова полюбишь меня.

1992

* * *

Теряется и тает след,
И свет весны, и голос прежний.
В пространстве лета места нет
Цветению моей надежды.

В пространстве лета я одна
Средь буйства света и сирени.
Тот, кто ходил за мною тенью, —
И не глядит.

Моя луна
На убыль. Ей не по пути
С звездой, что так непринуждённа...
Дай Бог, ей легкости взойти
И не сорваться с небосклона.

1992

* * *

Моих друзей в журналах лица,
Приписки в письмах: «Люба, верь!»
Им веселей в своих столицах
Стучать в редакторскую дверь!
А я — заботами о детях,
О доме, саде.... Я — в глуши.
Для мыслей — ночь. А на рассвете
Жгу все, в чем нет моей души.
Но есть мгновенья, словно выдох,
Когда и слово, и душа
Единый видят свет и выход,
И бесконечно хороша
В туннеле строк одна такая,
Что даже к сердцу подступает...

1992

* * *

О, этот день, где я была
Безумна от игры словесной,
Где сердце падало отвесно,
Душа взлетала, как могла!
Томимая свеченьем стен,
Ольховой веткой, старой книгой,
Невнятностью судьбы и мига,
Непредсказуемого тем,
Что совершится в нем, я жгла
Глаголов ясные созвучья:
Дышала, видела, жила...
Звезды расположение, случай
Мне дал так чувствовать? Из снов
Стремиться, чтоб воспеть растенья...
Ведь драгоценней ожерелья
Не знаю я, чем нитка слов.

1992

Т А Й Н А

Сухой букет милей соцветий дня.
Он так давно живет на полке этой,
Что, кажется, он жил и до меня,
До моего рожденья и рассвета.

Ольховой шишки шаловлива ветвь
И камыша упорное молчанье...
Мне так не расцветать, мне так не сметь
Хранить в жизнелюбивом миге тайну.

О, тайна! Что есть ты? Кто сотворил
Тебя, чтоб жить, души не облегчая,
В беседе с другом, светом, иван-чаем,
С пером, бумагой, склянкою чернил?

На дне последней ты лежишь давно,
И я с утра томлюсь и размышляю:
Иль вытащить тебя, иль вновь на дно
Пустить и сделать вид, что я не знаю

Событий надвигающихся лет,
Что будет белизною в них, что светом,
Что мглою, не дожившей до рассвета,
Что сумраком, а что оставит след,
Как этот вот воспетый мной букет.

* * *

И падал свет снегов во тьму
Так долго, что была надежда:
Вот-вот в окне рассвет забрезжит,
Откроет взгляду и уму
Пространство сада. Мой январь
Не отошел от краски белой,
Он приступил к занятию смело,
Обозначая света грань.
А мне дозволено лишь быть
То тут, то там неясной тенью,
Одной до сумрака бродить
И наблюдать за сном растений.
Какие нынче времена
Раздумий! Сад, и снег, и блики...
И прорастают семена
Моей печально-светлой книги.

1992

З Е М Л Я

Как я жила легко! Не помня
Числа и дня, — был год такой.
Земля в себе томила корни,
Чтоб дать мне розу и левкой.

Она рукам была послушна.
Тянулась стеблем и листом
В пространство света. Мне нескучно
Возиться с земляным кустом.

Рыхля и разбивая комья,
Растила в кадке я хурму.
Земля в моем сегодня доме,
А завтра я — в ее дому.

1992

Как время безвозвратно! Нет девочки
наивной,
Нет мальчика и веры, что вечность
впереди.
Заиграна пластинка с прекрасною Фаиной,
Иной мотив выводят усталые дожди.
Стекает ночь на крыши и давит чернотой,
Неслышный танец тени вокруг лампы
завели.
Мне знать неинтересно, что там,
за той чертою,
Где сад не сад и с веток не сыплются
шмели.
Где нет зари и неба, в доме утрюмо, сыро
Слывет растеньем камень и норовит
на грудь
Лечь брошью... где старухи глаза немы
и сиры.
Все не привыкну к мысли, что вот,
когда-нибудь...

1993

МАРТОВСКИЙ СВЕТ

Возвращаюсь к перу и листу.
Осенённая мартовским светом,
Я счастливо стою на мосту
Между долгой зимою и летом.

Между жизнью прошедшей и той,
Что еще впереди... Есть надежда:
Распускается свет золотой,
Скинув темные
ночи одежды.

И фиалковый куст на окне,
Поддаваясь его искушенью,
Так цветет, что нетрудно и мне
Отдаваться любви и цветенью.

1993

* * *

Деревьев запрокинутые лица —
Как будто в небе жизнь их и судьба.
И я смотрю, откинув прядь со лба,
Но страшно мне с небесной твердью
слиться.

Другая есть, темнее и нежней.
Ее дыхание возбуждает корни
И гонит сок, и лист зеленый кормит,
И дарит мне еще немало дней.

Земля! К тебе мое прикосновенье!
Я так легка и телом, и душой!
Ну, хочешь, стану я твоей сиренью,
Черемухой душистой и большой?

Но дай сокрыться в молчаливой иве:
В ее ветвях любовь к тебе и грусть.
Быть может, стану я чуть-чуть счастливей
От мысли, что с тобой не расстаюсь.

1993

* * *

Так объясните всем, что я
Жила улыбкой и печалью,
В раскрытой книге бытия
Искала смысл первоначальный.
Мне было важно, что слова
Не заслоняли мысль и чувство.
Моих событий дерева
Растут и ныне. Так искусно
Сплетенье неба и ветвей!
В окне моем и дик, и весел
Отшельник-сад. Тем интересен,
Что знал и розу, и пырей.
Он был свидетелем. Всерьез
Воспринимал мои занятия
И поощрял, то гроздью звезд,
То незабудкою — на платье.
Он каждый день меняться мог,
Располагая свет и тени
По усмотренью. Видит Бог,
Им не обижены растенья.
Каким цветком, какой травой
Я стану, лишь ему известно...
Чудит над самой головой,
Мне на земле готовит место.

1992

СОДЕРЖАНИЕ

«Какая музыка стиха...»	5
Четыре времени	6
«Как птицу, выпусти луну...»	7
«Осень, осень—сад мой пестрый...»	8
«Июнь светил в лицо невыносимо...»	9
«Ну что мне до худой молвы?!»	10
«Однажды устав, обессилев...»	11
«А мне опять дано поверить...»	12
«И занесет снегами дни...»	13
Березки	14
«На краю затерянного лета»	15
«Под ногами лист да ветка...»	16
Звезда	17
Осень	18
«Когда-нибудь и я пристану...»	19
«Как повесть, начнет это лето...»	20
Сыну	21
Маме	22
Дочке	23
«Весна. А женщина устала...»	24
«Отворковал весенний день...»	25
«Вспыхнет ветка зеленым светом...»	26
Лепка	27
Чувство	28
«О, эта чистая страница...»	29
«До рассвета земли не видать...»	30
«Я в этой осени случайно...»	31
«И помня только нежные слова...»	32
«И дол, что не сожгла беда...»	33

«Он наступит, неведомый срок...»	34
«Желаньям счета нет...»	35
«...и там, где кончается город...»	36
Кружение мыслей	37
«Устанем за тем поворотом...»	38
«И блеклый на воле цветок»	39
«Свет притушенной лампы...»	40
«Не в дар все это мне, не в дар...»	41
«Что заря? Что туман? Что тоска?..»	42
«Спирали строк разорваны на части...»	43
«В круговерти минут и часов...»	44
«Как надобно мало: свеченье...»	45
«Не пишется — душа полна покоя...»	46
«Это в юности дышат сиренью...»	47
Лелька	48
«Все откровенней сердце, но умом...»	49
«Это таянье дней и снегов...»	50
Маме	51
«Никто не остался на этой земле...»	52
«Но, слава Богу: есть сознание...»	53
Н. Рубцову	54
«Мы живем эти дни не спеша...»	55
Природа	56
«Не надеясь на соучастье...»	57
«Теряется и тает след...»	58
«Моих друзей в журналах лица...»	59
«О, этот день, где я была...»	60
Тайна	61
«И падал свет снегов во тьму...»	62
Земля	63

«Как время безвозвратно!..»	64
Мартовский свет	65
«Деревьев запрокинутые лица...»	66
«Так объясните всем, что я...»	67

Стасюк Любовь Владимировна.
Четыре времени любви. 1993 г.
г. Верхняя Салда. Типография ВСМПО

